

ЭТОТ древний жанр...

ЗАМЕТКИ О БАСНЯХ НИКОЛАЯ ФОТЬЕВА

О басне говорят, что ей одинаково при-
сущи черты как стихотворного, так и
драматургического произведений. Со сти-
хами ее сближает прежде всего, так ска-
зать, формальная сторона: рифма, рит-
мически организованная речь. Впрочем,
надо оговориться: есть и прозаические
басни. Но мы в данном случае имеем
в виду басню самую распространенную,
введенную в русскую литературу еще Су-
марковым и прославленную знаменитым
дедушкой Крыловым... Наконец с драмой
басню сближает и обязательность остро-
го конфликта, и стремительность дейст-
вия, и живой диалог. Да и мораль — раз-
ве не напоминает она что-то резонерское,
присущее пьесам времен классицизма?
Непаром еще в 18-м веке было сказано:
«Басня есть малая комедия. Все различие
их в том, что в одной звери бывают ра-
зумны, а в сей — люди глупее скотов и,
что еще хуже, злее зверей».

Как прозаические стихотворные, годные
для декламации, басню с успехом читают
многие мастера астралы, как драматиче-
ское — разыгрывают вроде сенок или
околодных пьес. И вот что еще показа-
тельно! Многие баснописцы, как прави-
ло, «совмещают» эту свою профессию с
профессиями или поэты (от В. Тредиаков-
ского до Д. Белого) или драматурга
(Лессинг, Крылов). Иные же и вовсе вы-
ступают в трех жанрах сразу. Например,
Сергей Михалков.

Да, для того, чтобы стать незаурядным
баснописцем, действительно надо иметь
дарование широкого диапазона, то есть
быть и поэтом, и в то же время драма-
тургом, и, кроме того, еще обладать ред-
ким даром сатирика и юмориста («Склад
басни должен быть шутилив...», — гово-
рил еще А. Сумароков). Так что талант
баснописца — явление уникальное. Да-
вайте обзором современную литературу.
У нас куда как много поэтов, есть драма-
турги, а вот хороших баснописцев раз-
два и обчелся. Не говорит ли такое поло-
жение уже само за себя?

К чести нашего земляка, члена Союза
писателей СССР Николая Фотьева надо
сказать, что он в полной мере наделен
этим редкостным в природе художест-
венного творчества талантом. Кто знает,
как и когда он впервые заявил о себе.
Этот талант, способности, заложенные в
человеке с рождения чем-то напоминают
непроявленную пленку. Лежит она, ни-
кому не видная, и неизвестно, что на
ней заснято. Малейшая неосторожность, и
вот пленка засвечена, и уже никто ни-
когда не узнает, было ли на ней что-ли-
бо изображено или нет. Но ведь и про-
явленная пленка — это еще не фотогра-
фия. Проявившиеся способности — тоже
далеко еще не талант, четко определен-
ный, серьезно о себе заявивший. Не-
обходимо время, нужны большие работы,
важные определенные условия, чтобы
способности развились и вышли духов-
ное и материальное воплощение в книге.

Что привело Фотьева к басне? Случай-
ность? Может быть. Я же вижу в этом
определенную закономерность. В детстве
любил к животным «героям» будущих
его басен. В юности поступление на зоо-
технический факультет сельхозинститута.
Потом работа в качестве зоотехника в се-
ле. Первый этот для сельского хозяйства
был особый, переломный. 50-е годы —

кто их не помнит! Село отказывалось от
всех рожденных культом личности несо-
образностей и в практике ведения хозяй-
ства, и в руководстве им. Обновление про-
ходило не просто, а в борьбе, в постоян-
ных конфликтах со старым, привычным.
В гуще этой борьбы находился и буду-
щий писатель. Может быть, именно го-
рячее стремление как можно скорее до-
биться необходимых результатов, покон-
чить с недостатками и упущениями и за-
ставило Фотьева взяться за перо. Тем
более, он имел на это полное моральное
право: и как человек, кровно связанный с
деревней, и как специалист, отдающий ей
и силы свои, и знания. И не удивительно,
что первые его басни были посвящены как
раз самым больным, самым животрепещ-
ущим вопросам, которые волновали в
ту пору село. Например, вопрос плани-
рования. Ведь, что греха таить, люди,
выросшие на земле, досконально знающие
ее возможности, были как бы отлучены
от земли, едва заходила речь о севообо-
ротах или сроках и методах сева и убор-
ки. И планы, и директивы спускались
сверху, а земледельцу оставалась только
независимая роль бессловесного исполни-
теля. Результаты такой политики Фотьев
остроумно высмеял в одной из первых
своих басен, которая так и называлась
«Строго по плану».

Однажды житель юга Слоп,
В низы спуская планы,
Как говорится, допустил шаблон:
Велел везде выращивать бананы.
Вот с севера пришел к нему протест.
Медведь писал: «Средь наших мест
Все земли мералье, и тут
Бананы не растут».
А Слоп угрозы шлет ему, правоученя:
«Не земли мералье у вас, а настроеня».
Что делать Мишке? Выполняя планы,
Он стал сажать во льдах бананы.
Появляются в первых баснях Фотьева
и одиозные фигуры «толкатей». Таким
прозвищем окрестили сельские жители
так называемых уполномоченных, кото-
рые с делом ли, без дела порой и днева-
ли, и почевали в деревне. И, хотя иной
такой представитель вышестоящей власти,
будучи, скажем, работником собеса или
милиции, мало что смыслил в сельском
хозяйстве, тем не менее он наделался
большими полномочиями. К чему это
приводило, хорошо показано в басне «От
семи нявек».

Приняв дела, Иван Кузьмич стал
разбираться,
За что ему сначала братья.
Его начальство стало навещать
и поучать,
Один диктует — взяться за учет,
Другой — наоборот.
Учет, мол, обждет.
Строительство затей.
А третий говорит: — Не смей,
Давай-ка изучай людей!.,
Задергали Ивана Кузьмича.
Как ни старался он, ни бился,
А в отстающих очутился.
Иван Кузьмич хоть «старался» и «бил-
ся». Но ведь случилось и так, что, при-
выкнув жить по указке, люди вообще
теряли всякую инициативу.
Верблюд как будто не дурак,
А вел свое хозяйство так:
«Исполнит то что Слоп прикажет,
Точается и тяжет».

Не все первые басни Н. Фотьева были
равноценны по своему качеству. Рядом с
серьезными, глубокими по содержанию
произведениями мы встречаем у него и
мельковатые по теме, и не слишком ост-
роумные.

И все-таки в целом дебют был удач-
ным. Имя Николая Фотьева сразу же
привлекло внимание читателей. И не
столько потому, что жанр басни более
«выигрышный», чем другие. Нет, просто
на фоне тех, старательно выполненных,
а по существу энигонских упражнений в
стихах, которые демонстрировали в пе-
чати другие местные поэты, например,
Л. Завальнюк, басни Фотьева стали за-
метным явлением благодаря глубине со-
держания, естественности интонаций,
правильности в изображении жизненных
ситуаций. И права была газета «Амур-
ская правда», опубликовав в одном из сво-
их номеров за 1959 год вот такой друже-
ский шарж, посвященный поэту-баснопис-
цу:

Слегла овечка, захандрил ли крот —
Любой симптом ему сейчас же ясен.

Давно постиг он весь звериный род
Как зоотехник и создатель басен.

Впрочем, уже на первых порах и боч-
ке меда была примешена и ложка дегтя.
Оказывается, не всем пришлось по душе
острая критическая направленность фот-
ьевских басен. Кое-кто и поглядывать стал
косо, и поговаривать: а не клеветает ли
он, дескать, на нашу жизнь, на наших
людей?! А между тем, изображая отдель-
ные негативные стороны нашей жизни,
Николай Фотьев всегда стоял на здоро-
вых позициях писателя-реалиста. То есть
не критика во что бы то ни стало, не
погоня за «клубничкой», а естественное
стремление обратить внимание обществен-
ности на такие, наволновавшие писателя
факты, которые действительно мешают
нам и жить, и работать.

И другое мешало Фотьеву в его ра-
боте, в его общении с читателем. Речь
идет о предвзятом отношении к басне
как к жанру. Иные считали, да и теперь
считают, что басня, дескать, свой век от-
жила, что она ограничена как жанр. Мо-
ли согласиться с таким мнением сам ба-
снописец? Конечно, нет! Возникший в да-
лекие эзоповские времена, этот древний
жанр жив и теперь. Об этом говорит уже
сам его успех у читателя. Можно срав-
нить. Вышедший в 1969 году в местном
издательстве сборник Н. Фотьева «Бас-
ни» (тираж 15 тысяч) разошелся по су-
ществу за несколько дней. А вот выпу-
щенная в том же году в том же изда-
тельстве книга стихов Л. Завальнюка
«Это — реки» (тираж всего 5 тысяч) до
сих пор проваляет по полям. Иные э-
земпляры поистрепались до того, что из
них жалко смотреть. Что ж, видимо, и в
книжном мире идет свой естественный
отбор. Произведения, более сильные по
форме и содержанию, «забивают» более
слабые, оттирают их на последний план.
Басни Н. Фотьева пользуются популяр-
ностью потому, что они правдивы, жизнен-
ны. Стихи Л. Завальнюка не привлекали
внимание читателей потому, что они,
грубо говоря, высосаны из пальца, лишены
серьезной жизненной и философской
основы.

(Продолжение следует).

Большое влияние на формирование Фотьева как писателя оказала его работа в газете. Правда, иные говорят, что газета, дескать, только мешает будущему писателю: приучает его к поверхностному взгляду на явления действительности, к поспешности в работе, обедняет его язык, пивелирует стиль. Все это, конечно, так, но... в применении к тем, кто плет по линии наименьшего сопротивления, кто не способен быть писателем и не хочет стать хорошим журналистом.

Конечно, профессии эти несхожие. Работа журналиста более беспокойная, работа литератора более капризная, мучительная. Газета живет злобой дня, литература — злобой времени. И все-таки резкой грани между ними провести нельзя. Ведь как бы ни было масштабно время, оно в конечном счете состоит из обыкновенных, мелькающих, как в калейдоскопе, дней, в каждом из которых есть свои малые и большие проблемы. Какие бы вечные темы ни волновали писателя, они мертвы, если не пульсирует в них живая кровь нашей текущей жизни, то есть той самой «злобы дня», которой, собственно, и заняты газеты.

Да, работа в газете требует не столько оттачивания каждой фразы, сколько оперативности. Да, журналист не имеет возможности иной раз глубоко исследовать то или иное явление или характер. Ему некогда, да и не нужно «художественно» украшать материал. Для него, так же, как, впрочем, и для читателя газеты, важен прежде всего сам по себе факт. Но ведь, если ты хочешь заняться литературой, ничто не мешает тебе из огромного моря этих фактов выбрать один-единственный, впоследствии изучить его более глубоко и в конце концов сделать явлением литературы. Были бы лишь способности да желание. Так что газета не только не мешает, а, наоборот, помогает писателю «набрести» на интересную тему.

Нивелировка стиля? Но ведь есть еще и любовь к родному языку, и чувство языка. Кому все это дано от природы, тот надежно защищен и от серости, и от словесной бедности, и от любой нивелировки. Да и не так уж он плох, этот, так называемый газетный язык, окажись он в хороших руках. Пол умелым пером он и голков, и добротен, и ясен.

Возможно, кое-кто из «художников» слова со мной и не согласится. Но ведь я и сам не верю в состоятельность таких «художников», которые вроде бы и ловко строят рифмы, но коснусь их написать обыкновенную заметку, как обнаруживается полнейшая беспомощность. Есть на моей памяти случаи, когда один из таких поэтов с университетским образованием, будучи сотрудником газеты, за полмесяца опубликовал всего... восемнадцать строчек. Все остальное, им написанное, пошло в корзину. Значит, что-то не то. Значит, за набором случайно срифмованных строк нет ничего: ни способности видеть в размышлять, ни умения писать. К слову сказать, Пушкин, прежде чем выразить ту или иную мысль в стихах, записывал ее в прозе. Липная работа? Да нет, видимо, это нужно было для того, чтобы потом сравнить, не уступают ли стихи по ясности и толковости прозе.

Все, что сказано выше, — не отступление от темы, но ее продолжение. Газета научила Н. Фотьева сжатости и конкретности языка и постепенно привела к художественной прозе: очерку, рассказу, повести. Она расширила его жизненный кругозор. Если раньше он мог судить о действительности на примере одного или нескольких сел то теперь от командировки и командировки перел ним открывались десятки самых различных хозяйств. Острый глаз, цепкая память вбирали в себя десятки лип и характеров, сотни мелких черточек в поведении людей, то есть именно то, что и нужно писателю для его работы.

Существенно расширилась тематика басен. Они стали более многозначны и многозначительны: ибо в лучших из них автор научился суммировать факты, выискивать не только сам по себе тот или иной отрывочный факт, но явление в целом в его обобщенном виде. К приме-

ЗАМЕТКИ О БАСНЯХ НИКОЛАЯ ФОТЬЕВА

ру, очковтирательство. Общепризнанно, что в основном это означает или приписки, или преждевременные рапорты о выполнении невыполненных планов, то есть обман государства в его явном и неприглядном виде. Однако разборчивый взгляд писателя увидел и всевозможные разновидности этого позорного явления. Сколько переполюха, например, вызывает всякий раз на предприятия или в организации ожидаемый приезд комиссии. И запущенную документацию «дооформляют», и чистоту, о которой некогда прежде не забылись, везде и всюду наводят, и наглядную агитацию обновляют. Остается, пожалуй, только лозунг «Добро пожаловать» над входом повесить да оркестр выставить — и парад можно начинать. Мы к таким авраам привыкли, принимаем их как само собой разумеющееся. А вот баснописец справедливо заметил в этом элемент очковтирательства, или, как говорят в пароле, той самой «показухи», от которой душу воротит. И не только заметил, но и с присущим ему сарказмом высмеял, а точнее сказать, разоблачил в басне, которая так и называется — «Комиссия».

Свинья, что было прыти,
Во двор к себе влетела
И ну скрести в корыте
И рыло мыть, и тело.
— Что вижу я! — Хохлатка
удивилась. —
Ведь ты ж не мылась отродясь.
— Ох, милая, комиссия явилась.
Да ведь она за вонь, за грязь
Меня разложит на лопатки!..
И вот Свинья и хлев в порядке.
Пришла комиссия.
— Недурно, — главный говорит, —
недурно.

Да ты чистюля, вижу я!
— Как видите, живем культурно, —
С достоинством ответила Свинья.
Басня удалась потому, что очковтирательство как явление здесь показано не только через убедительный факт, но и через характер. В самом деле. Сколько в поведении «чистоплотной» Свиньи умения ловчить, сколько в ее ответе самодовольства, сколько наглости опытного очковтирателя, только и умеющего что пыля в глаза пускать! Нет, это уже не просто характер, это тип, изображенный ярко и верно.

Тупичен и другой образ — Ослы в басне «Артист», написанной настолько просто и выразительно, что она могла бы украсить любую школьную хрестоматию. На сцене у зверей однажды пьеса шла, и неожиданно беда случилась: В последнем акте статуя была, Она упала и разбилась. Как быть? Спектакль нельзя отставить. И дело выдумка спасла. Решили вместо статуи поставить Живого, настоящего ослы. Стоять ему велели без движений, Чтوب даже ухом шевельнуть не смел. Все это, после долгих наставлений, Осел, хвала ему, уразумел. Спектакль окончился. Творцам его — почет.

Летят цветы, несется: «Браво!.. Браво!..»
Осел все это принял на свой счет
И важно кланялся налево и направо.

На знаю, только ли глупца хотел показать в образе Ослы автор. Мне эта фигура представляется несколько сложнее. Да, конечно, он глуп, этот Осел. Но ведь почему-то говорит порой, что любовь — это талант бездарных, а хитрость — это ум дурака. Не знаю, как насчет любви, а вот насчет хитрости, по-моему, сказано довольно верно. Человеку умному, талантливому хитрить некогда, да и едва ли придет на ум. Он занят работой. В ней его призвание, проявление его личности, вся его жизнь. Это глупцы, чаще всего неспособные и потому равнодушные к работе, заняты тем, как бы «проехаться» за чужой счет, найти теплое, хорошо оплачиваемое местечко. Они важны, серьезны в немногословны. Они выжидают в поисках удобного момента. Так что Осел, который терпеливо стоял вместо статуи, а потом начал кланяться налево и направо, не так уж и безобиден. В этих

его поклонах виден хотя и довольно грубый, но точный расчет примазаться к чужой славе, что-то извлечь из нее для себя.

Не исключено, что кто-то прочтет эту басню по-иному. Она многозначна, как и любое другое талантливое произведение.

Трудно даже перечислить все жизненные важные темы, затронутые Николаем Фотьевым в его баснях. Где уж тут раскрыть каждую из них более или менее подробно. Но нельзя не сказать о том, что Н. Фотьев — первый, кто всерьез коснулся в баснях проблем сельского хозяйства. До него никто еще — ни раньше, ни теперь — не подтолкнул к этим проблемам так близко, с таким знанием дела и так всеобъемлюще, как он. Отличаются злободневностью и многие другие его басни на самые различные темы. Писет ли он о «вещей» вороне, и мы сразу представляем себе довольно многочисленную прослойку обывателей, воображению которых можно было бы только позавидовать, если бы направлено оно было на благие цели. Они и о повышении цен на продукты раньше всех узнают, и войну в три счета напророчат. И ведь даже не покраснеют, если все это в конце концов оказывается обыкновенным враньем... Рассказывает ли баснописец в аллегорической форме о некоей Огуречной плети, которая в своем стремлении вверх дошла до того, что просит освободить ее от родных корней, и в итоге, лишившись их, засыхает, и ясно, что речь в басне идет о тех немногочисленных отщепенцах, что ищут призрачного в так называемом свободном мире, в капиталистическом «раю», а потом возвращаются с повинной, убедившись, что «рай» тот скорее похож на ад.

Но и в тех баснях, темы которых, казалось бы, не новы, Н. Фотьев тоже находит, как правило, оригинальное решение. Вот, скажем, пьянство. В свое время писал об этом И. Крылов. Большой популярностью уже много лет пользуется басня С. Михалкова «Заяц во хмелю». Однако все это не остановило нашего земляка. Нашел он и непохожую ситуацию, и свои характерные детали, и в итоге получилась своеобразная, чисто «фотьевская» басня.

Свинья купила новое корыто
И пригласила глянуть Петуха.
— Посудина, конечно, не плоха, —
Сказал Петух, — да не обмыта.
...И вот дается пир. Гремит веселье,
Харонья не жалеет зелья,
Всех потчует от сердца от всего.
И гости допились тут до того,
Что два Быка, Ослы приняв за телку,
Просить свиданья стали у него,
И оба, не добившись толку,
На почве ревности пусти в ход рога,
Схватились насмерть два врага!
«Все кверху дном пошло тут.
А корыто?
Корыто было вдрызг разбито.

Конечно, не все басни Николая Фотьева одинаковы по своим художественным достоинствам. Некоторым из них недостает юмора, другим — сатирической злобы, третьи излишне грубоваты. Скажем, не украшают текст некоторых басен такие выражения, как «обмыт — хоть кровь из носу», «наевшись, изжонец, до рези, до отрыжки» и т. д. Юмора в них мало или совсем нет, а натуралистичность едва ли когда способствовала повышению художественного уровня произведений. В стремлении к краткости автор иногда пренебрегает деталями. Получается и голословно, и, значит, не совсем убедительно.

Колибри спор со Страусом вела.
О чем? Про то не нам судить.
Но, если правду говорить,
Она права была.
А Страус нес какой-то вздор.
Басня только бы выиграла, если бы автор все-таки посвятил нас в существо спора.

В заключение этих заметок остается только выразить сожаление, что в последние годы Н. Фотьев почему-то отошел от писания басен, целиком переключившись на прозу. Конечно, самому автору виднее, что ему писать. И все-таки хочется надеяться, что из-под пера нашего земляка появятся новые басни, остроумные и злободневные.